

Йусупбек

Мухлисов

ЛЕГЕНДЫ УЙГУРИИ (этнографические очерки)

Йусупбек Мухлисов (1920-2004) – известный уйгурский писатель, признанный ученый-исследователь, историк-этнограф, литературовед. Он автор таких романов, как «Факел», «Садир Палван», «Кашгарские рассказы», драм «Две звезды», «Баласагуний», «Волны Тарима», литературоведческого исследования «Века и поэтические произведения прошлого» (Алматы, 1973), составитель «Каталога рукописей уйгурской классической литературы» (Урумчи, 1957) и других опубликованных и не успевших опубликоваться при его жизни произведений разных жанров.

Одним из опубликованных в Казахстане произведений были очерки его путешествий по Уйгурии, как всегда называл эту землю Л.Н.Гумилев. «Книгу очерков путешествий» или «Саяхатнамэ» автор назвал «Восточный Туркестан – моя чудесная страна» (Алматы, 2008). Она была написана на основе его записей в историко-этнографических командировках по городам и округам Восточного Туркестана, когда автор был основателем, сотрудником, а позже и директором «Музея археологии и этнографии уйгуров» в г. Урумчи (филиал Института истории и этнографии АН КНР).

В 1950-60-х годах в составе специализированных разнонациональных сотрудников по заданию Института он не раз был в командировках в Уйгурии. С комплексной научно-исследовательской целью изучал историю, географию, этнографию, археологию. В том числе собирал материалы о культурном наследии коренных жителей городов и относящихся к ним районов Хотана, Кара-шахар, Турлана, Тарима, Кумула, Кучар, Урумчи, Кульджи, Кашгара, изучал строения известных всему миру «Тысячи пещер».

Участвуя в раскопках древних руин, беседуя со старейшими жителями, знатоками истории края, предпочитая эмпирический метод исследований, Й.Мухлисов собрал богатый фактический материал по истории Уйгурии, культуре, этнографии.

Сотрудниками Института было сделано множество зарисовок, фотоснимков сохранившихся руин древних городов края, еще живых свидетелей исторических событий недавнего прошлого, известных в крае людей, национальных героев, и сказителей-фольклористов. Об этом Й.Мухлисов рассказывает в очерке «Голова хунну-шаха».

Наряду с общими задачами исследования Й.Мухлисова интересовала и этнонимика края. Записи сведений о происхождении названий гор, рек, источников, ущелий, городов, долин, сел были особенностью его исследовательской работы. Они открывали перед ним новые страницы истории его родины – Уйгурии, прекрасной и загадочной страны.

В «Саяхатнамэ, или Книге путешествий» в одной из глав – «Прогулка по «Саду Хан-Зохран», например, рассказывается о происхождении названий горы и источника. Предание гласит, как тяжело раненный воин вышел из боя. Он доехал до одного из ущелий, чтобы подлечить раны, но умер. Его верный друг, жеребец-айгыр, которого воин сам растил с детства, не захотел покидать его, лег рядом и тоже умер. Местные жители утверждают, что на этом месте и появился источник «Айгыр-булак». Горы, видевшие и оплакавшие это горе, с тех пор называются «Жиглангу-таг» – «Плачущая гора». Добросердечный народ одушевил, опоэтизировал эту печальную историю, потому что верил – предания, как утверждают они, имеют часто реальную основу и становятся источником, по которым можно сделать дальнейшие выводы.

«Путешествуя по карте на хотанском ковре», «Голова шаха гуннов», «Буддийские сокровища «Тысячи пещер» и другие главы насыщены удивительными фактами, наблюдениями и свидетельствами, записанными автором во время путешествия по городам Восточного Туркестана – Уйгурии.

Удивительно, как народная этимология создает и образ самого народа, пытливого, самобытного, с древнейшей памятью.

Автор рассказывает, как в одной из командировок по городам и селам Кашгарии в одном горном селении они узнали от местных жителей, что здесь, высоко в горах, покоятся две могилы: Хан-Тахира и Хан-Зухры. Легенды, предания, сказы о трагической судьбе двух влюбленных бытуют испокон веков в восточной классической литературе, в устном народно-поэтическом творчестве. Как известно, в основе их сюжетов лежит фабула, «как предопределяющая литературную традицию». Она является первоосновой и берет начало еще с классических произведений Алишера Навои. С тех времен в дастанах-поэмах, легендах, сказках влюбленные, часто разного социального происхождения, защищая свою любовь, встают против социальных условий. Но злые силы оказываются сильнее и разлучают их. В разные эпохи в разных странах возникали устные и письменные произведения, в сюжетной основе которых лежит эта фабула. Сюжетная линия таких любовных произведений у каждого народа соответственно обогащается, приобретает все новые варианты содержания. Они рождались из реальных событий жизни общества и явлений природы. Так, например, в одном из вариантов дастана-поэмы о Тахире и Зухре говорится: «Тахир и Зухра – дети двух друзей-падишахов двух городов-государств. Они договорились породниться, когда дети вырастут. Повзрослев, их дети полюбили друг друга. Но отец Тахира разорился. Тогда отец Зухры решается отдать Зухру в жены сыну визиря, Карабатыру, который был влюблен в Зухру. Затеяв интригу, Карабатыр убивает Тахира. Но непокорная Зухра не хотела жить без любимого и покончила с собой. Так злые силы разлучили влюбленных».

Подобные события и противостояния в жизни и в быту людей всегда имели место. Варианты уйгурских легенд, преданий, сказок и рождались из таких «бродячих» сюжетов, которые заимствовались как из письменных литературных источников других народов, так и из рассказов путников на Великом шелковом пути. Но каково бы ни было происхождение вариантов народно-поэтических произведений о Тахире и Зухре, образы их сравнивались с прекрасными цветами – алой и белой розой, а злые силы возникали между ними, как сорняки-чертополохи, которые не давали им воссоединиться даже после смерти.

«Прогулка по «Саду Хан-Зохраны» – одна из интересных глав в «Книге путешествий», где перед автором-исследователем открывается духовное богатство простых людей, высокая нравственная культура, их отношение к прекрасному.

В уйгурской классической литературе и устных народно-поэтических произведениях существуют дастаны-поэмы «Фархад-Ширин», «Вамук-Узра», «Махзун-Гульниса», «Рабия-Саадин», «Махсуд-Дилара» и другие. Они стали народным достоянием в различных вариантах. Во всех вариантах их содержание проникнуто идеей борьбы за справедливость, мечтой о счастье с любимыми, преданностью и самоотверженностью влюбленных. Вариативность, близость содержания к жизни говорят о когда-то реальном существовании подобных ситуаций и таких героев, идею которых народ высоко поднял, сделал символом высокой нравственности и о которых известный ученый-востоковед Б.А.Розенфельд говорил: «Легендами пренебрегать нельзя. Они не возникают беспричинно. Порой и самый причудливый вымысел скрывает крупную истину».

Но не легенда о погребенных здесь Хан-Тахире и Хан-Зохране захватила все внимание автора. Рассказы о горах Кашгарии, как об одном из чудесных уголков его Родины, насыщенных историческими событиями далекого и близкого прошлого, где каждое ущелье, каждая скала или источник были «участниками» или свидетелями таких событий в прошлом и оттуда берут свое название. Обо всем этом он услышал от пожилой кашгарки, которая и стала героем его очерка. Это была своеобразная, самобытная пожилая местная жительница. Она удивила автора-исследователя знаниями по истории родного края не понаслышке, а как образованная женщина, знакомая с содержанием классических художественных произведений. Ее яркая речь, манеры, отношение к прошлому и настоящему говорили о том, как богата родная земля талантами, самородками среди людей. Такие люди, как эта женщина, и являются хранителями лучших национальных традиций и обычаев, лучших черт национального характера и культуры народа. Для автора-исследователя она, ее колоритный образ были настоящим открытием, не менее интересным и важным, чем ее пересказ нового варианта повествования о трагической любви Тахира и Зухры.

Произведения Йусупбека Мухлисова еще не переводились на русский язык, и это первая публикация.

ПРОГУЛКА ПО САДУ «ХАН-ЗОХРА»

1953 г., 25 августа

В этот день стрелка нашего компаса была направлена на юг нашей великой Родины.

Утром машина, которая повезла нас в командировку, выехала со двора Управления культуры (Янхан), что расположено в одном из красивых районов города Урумчи по улице Махмуда Акимбека.

Очень скоро машина привезла нас по намеченному маршруту в селение Даванчи – на родину знаменитой Камбархан¹. Еще Даванчи славился своими сладкими арбузами – белыми, с тонкой корочкой. Несколько штук мы взяли с собой в дорогу.

Во второй половине дня, ближе к вечеру мы, осмотрев и записав все, что интересовало нас, выехали из Даванчи. Было очень радостно и приятно ехать в Кашгар – наш следующий пункт назначения, между гор, по шоссейной дороге, вдоль шумных и быстрых горных рек.

По всему пути нашего следования мы проезжали по таким знаменитым в истории Кашгара местам, где каждое селение было овеяно славой, являло собой живую легенду, сказание или предание о святых местах, о людских подвигах.

Часам к одиннадцати мы прибыли в одно из таких благословенных мест – Тохсунский район. Этот район нынешние уйгуры называют местом, где когда-то древние «Десять уйгуров»², до их переселения на Запад, добровольно, с единодушного согласия воссоединились с «Девятью уйгурами»³. Соответственно таким событиям это место от начального «токкуз (девять)» и «он (десять)» постепенно приобрело название «Токсон» или «Тохсун». Сейчас в этом городе живут свыше 9 тысяч семей уйгуров и дунган.

Как только вы выезжаете из Тохсуна, вы попадаете в край знаменитых гор Айгирбулак. Тут же, неожиданно перед вами среди безводной, без какой-либо растительности, пустыни вырастает темно-зеленая скала. Машина медленно продвигается по этой необычной, неприветливой горной дороге. Вспоминаются слова из известной народной песни, которые сулят рай впереди:

Выше-превыше других гор
Только горы Агибулак.
Если на вершине ее еще лежит снег,
Там, внизу – сады цветут.

Название гор «Агибулак», из народной песни, некоторые наши нынешние литераторы в своих произведениях называют как «Ахир-булак» – «Последний родник». Неясно, на чем они основывают такое самовольное переименование собственного названия гор. Первоначальное название «Айгирбулак» на каш-

¹ Камбархан (1922-1994) – уйгурка, танцовщица, совершенствовалась в искусстве танца в Ташкенте, Москве, награждена «Золотой медалью» за танец «Лимпьяда».

² «Десять уйгуров» – родоплеменные объединения уйгуров, которые имеют свою длинную историю.

³ «Девять уйгуров» борьбы за власть династий Ашинов и Яликаров. В VI–VII веках состоялось перемирие. С обоюдного согласия управление государством взяло на себя объединение «Токкуз» (9) уйгуров, которое возродило прежнее название государства – Уйгур.

гарском диалекте произносится как «Агибулак». В таком произношении оно и вошло в народную песню.

Об Агибулаке есть одно предание. Как-то батыр-воин, тяжело раненный в бою, вернулся в эти горы подлечить раны. Обессиленный, истекающий кровью, он через три дня умер. Конь, на котором воин приехал сюда, говорят, был им когда-то взят жеребенком, воин вырастил его, и вот теперь стал он «айгиром»-жеребцом. Почув, что его хозяин-друг умер, конь долго стоял возле него в скорби, ничего не ел, не пил, опустился рядом с батыром и тоже умер. На этом месте появился родник. Со временем люди стали называть этот родник «Айгир-булак» – «Родник жеребца», а горы, которые «оплакали» смерть батыра, – «Жиглангу-таг» – «Плачущие горы»...

Проделав далее длинный путь после посещения Айгирбулака и Жиглангу-тага, мы прибыли в городок Кумуч, расположившийся на большой, углубленной плоскости на южном склоне этой горы.

Здесь можно было отдохнуть. Потом не спеша мы на нашей «вездеходке» спустились по горным склонам в район Ушшактал («Низкорослый тальник») и после этого прибыли в городок Карашахар, очередной пункт нашего маршрута. Там мы и заночевали.

Путник, выехавший из Карашахари, прежде всего въедет в город Корла. Между этими городами стоят очень высокие, красивые, светлые горы. Эти горы считались входящими в систему гор Горул, но можно считать их даже центральными. Местные жители с конца XIX века называли эти светлые горы «Баш егин теги» – «Гора, склонившая голову». Почему так? Люди объясняют это событиями, происходившими в конце XIX – начале XX века (в 1865-1977 годах) во времена правления несформировавшегося уйгурского бедавлят государства⁴. Эта гора была одной из самых высотных площадок, превращенных китайцами в мощную военную базу. База эта стала для них тылом и наблюдательным пунктом. Поэтому на этом месте было сооружено несколько военных городков и установлены специальные железные ворота. Позже эти ворота стали стратегической границей власти, и название «Баш егин теги» так и закрепилось за этим местом.

В самой середине гор Башегин протекает шумная река, которая называлась Шатар-суйи («Бурная вода»). Она была подобна реке Араксу на Кавказе, такой же шаловливой, игривой и переливающейся чистой водой. Эту реку местное население называло «Тахир аккан су» – «Река, по которой плыл Тахир». В татарском варианте поэмы «Тахир-Зухра» говорилось:

Девушки-молодицы радуются,
Когдакупаются в Шат-суви.
Горестный Тахир по ней приплывет,
Судьбой предрешенный.

«Шат-суви» это и есть «Шатар-суйи». Но, к сожалению, подготовивший эту поэму к печати на татарском языке переводчик небрежно обошелся с традиционным названием реки и указал как иранскую или иракскую «Шатил араб суйи» («Бурные арабские воды»).

Рядом с этими грозными горными воротами Башегин и раскинулся чудесный «Сад Хан-Зохры»...

⁴ Уйгурское бедавлят государство – непризнанное, затем оккупированное китайцами государство.

Я с детских лет знал и много слышал о «Саде Хан-Зохры» и связанных с именем Тахира и Зухры народных преданий и поэм, записанных литераторами. Но в этот раз я сам стал (о счастье!) воочию зрителем, посетителем этого сказочного сада.

Это было время года, когда в старинном, священном для нас саду поспели персики и тухарская джигда. Была ранняя осень, воды в реке Шатар прибавилось по сравнению с летом, и теперь она, игриво ударяясь о камни, брызгаясь и шумя, неслась мимо меня. Сад был полон склонившимися под тяжестью плодов фруктовыми деревьями и декоративными растениями, чьей-то заботливой рукой посаженными. Перекликаясь с плеском воды реки Шатар, со всех сторон слышалось пение, щебет, трели разных птиц. Низко летали дикие голуби, свившие гнезда на склонах гор. Было много диких коней – «сунгулгачей», как их называли, которые спускались на водопой и совсем не боялись людей.

Наша группа выехала из Карашахара ранним утром, не позавтракав, не выпив свой аткен-чай⁵, и прибыла к таинственному для всех нас саду. Нашей задачей было изучение истории города Алтышахар и истории связанного с ним благословенного сада «Хан-Зохра». Для народа этого края сад «Хан-Зохра» был овеян сказочностью событий. Мы же хотели найти следы прошлого в этом чудесном месте.

К нашему счастью, эти дни были традиционными ежегодными днями почитания памяти Хан-Тахира и Хан-Зохры и посещения их могил. Поэтому, когда мы прибыли к месту, там уже собралось много мужчин, женщин с детьми и «тавапчи» – религиозных посетителей святых мест. Мне такое мероприятие было очень кстати. Я шел туда, где кучкой собирались старики женщины или молодежь. Я шел к ним, подсаживался и подробно расспрашивал, что они знают о Тахире и Зухре, историю их трагической любви. Не было ни одного человека, который хоть что-нибудь бы не знал о них, который не мог бы сказать хоть несколько слов о лежащих в этой могиле. Многие хоть и знали, куда и зачем пришли, но как эти могилы появились здесь, не могли сказать. Тут к нам подошел пожилой, высокий, благородного вида человек в светлом одеянии. Он стал звать кого-то, оглядываясь по сторонам:

– Омар, эй, Омар! Да-а... по-видимому, он уже ушел в горы, посетить могилы святых, – сказал он, почему-то слегка улыбнувшись. Потом посмотрел на меня и сказал: – Историю Хан-Тахира и Хан-Зохры одна здешняя старушка хорошо знает, сынок. Если хочешь найти ее, ищи вон на той высокой горе. Видишь? Там, на самом верху покоится могила этих влюбленных. Поднимись туда. Старушку зовут Амирхан. Спросишь, кто Амирхан-ача⁶, там все тебе укажут.

Указанная дедом гора оказалась очень высокой и крутой. «И как только эта пожилая женщина взбирается на такую высоту?» – подумал я про себя и стал энергично карабкаться наверх.

Высота горы была приблизительно 800-900 метров. Она была очень отвесной. На ней, представьте себе, ничего не росло, кроме изредка пробивавшегося чертополоха. Присмотревшись, я увидел, что на самой вершине горы на мгновение показалось что-то чернеющее. Наверное, это и есть могилы Тахира и Зухры...

Даже двигаясь энергичным шагом, человек на эту вершину не смог бы взойти даже за час. Туда вела узкая извилистая тропинка. Как только я начал вскарабкиваться по ней на эту гору, я взглянул на свои часы и засекал время. Через сорок

⁵ Аткен-чай – слегка подсоленный чай с молоком.

⁶ Ача, агича – жена духовного лица; уважительная форма обращения к пожилой женщине.

минут нагнал еще двух человек. На широком плоском камне я увидел сидящую пожилую, полную, белолицую женщину и рядом с ней девочку. Женщина была одета в светлое, с цветами персиков батистовое платье, на ногах у нее были легкие крымские ичиги⁷, на голове – тонкая марлевая накидка-платок. Ее белое лицо покраснело. Белым бязевым платком она обмахивала лицо и что-то шепотом читала про себя. Девочка с косичками спокойно сидела рядом и играла в камешки – «таштямяк».

«Наверное, это и есть та самая старушка, которую я ищу», – подумал я и с ходу начал с ней разговор на кашгарском диалекте.

«Здравствуйте, матушка! Вы будете Амирхан-ача?»

«Да... Я и буду, сынок. Подходите поближе».

Она нисколько не удивилась моему неожиданному появлению и обращению. Ей, по-видимому, не в первый раз приходилось беседовать с такими, как я, чудаками-«апенди»⁸. Она легко поднялась с места, поприветствовала меня и снова села.

«Подходите, сынок. Кто вы сами будете?» – также на кашгарском диалекте спросила она. Рядом с ней лежали несколько больших плоских камней-валунов. Торопясь догнать их, я тоже немного устал. Пестрым полосатым платком я вытер пот с лица и шеи и присел на камень рядом с ней, рассказал о себе и сразу спросил ее: «Ача, почему для погребения этих влюбленных выбрали столь высокое место в горах, да еще и почти на самой вершине?»

«Нет, не говорите так, сынок. Старые люди называют эту гору «Куттаг». – Старушка сложила вчетверо платок, которым обмахивалась, и положила на колени. Прохладный утренний ветерок развеял ее седые волосы по плечам. Она не спеша прибрала их под платок, еще раз пристально поглядела на вершину горы и продолжила свой рассказ. «Спрашиваете, почему? Потому что несколько тысяч лет назад Великий Искандер Зулкарнайн⁹ дошел до этих мест. В этих горах произошла большая битва между его войсками и шаха нашего города Корла. Наши воины завлекли воинов врага в ущелье и перебили их. Рассказывают, что была большая битва, где воины Его Величества Искандера впервые были побеждены. Шах Корлы оказался победителем, и тогда он водрузил на вершину этой горы знамя победы. По этой причине гора, оказавшаяся «свидетельницей» этой победы, стала называться «Куттаг» – «Гора избавления, гора спасения».

«Печальная история любви Хан-Тахира и Хан-Зохры тоже происходила здесь, – продолжала она свой рассказ. – Они – жертвы своей высокой любви, которая редко встречается... Потому люди сказали: «Их высокая, всепобеждающая, торжествующая над смертью любовь достойна высокого почитания. Они должны лежать высоко, над всеми». И похоронили их на одной из вершин Куттаг».

Меня поразила речь рассказчицы. Она употребляла такие литературные, книжные слова и выражения, как «ишкий тэжжэллиси»¹⁰, «бэси»¹¹, «Искэндэр Зулқәрнәйн». Она использовала их правильно, к месту и по содержанию, с уверенностью человека, знающего классическую литературу. Слушая ее, я не переставал удивляться ее памяти. Она помнила древние и нынешние названия гор, рек, ущелий, вершин, истории их происхождения.

⁷ Ичиги – мягкие, без каблуков, кожаные сапожки.

⁸ Апенди – учитель, господин, сударь.

⁹ Искандер Зулкарнайн – так на Востоке называют греческого полководца Александра Македонского.

¹⁰ Ишкий тэжжэллиси – внутренняя красота, сияние души.

¹¹ Бэси – грани красоты, блеск.

Перед поездкой в экспедицию в эти края я перечитал знаменитое «Собрание тюркских наречий» – «Дивану лугат-ат тюрк»¹² великого уйгурского ученого Махмуда Кашгари и написанную гораздо позже книгу Абулгази-хана «Родословная тюрков» – «Тарих ижрайи тюрк»¹³. Я вычитал, выписал, сохранил в памяти и в сердце содержание страниц, рассказывающих о битве войск Искандера Зулкарнайна и уйгурского шаха, вследствие которого одна из гор стала называться «Алтун кан» – «Золотые прииски».

Рассказы пожилой женщины об этих горах были почти повтором того, о чем тысячелетия назад повествовали произведения знаменитого автора. «Значит, вот эта гора и есть та самая гора-свидетель, которую Махмуд Кашгари называет «Алтун-кан», а позже в своей книге Абулгази-хан называет «Куттаг». Это одно и то же?» – подумал я про себя и с новым интересом оглядывал горы.

Махмуд Кашгари в своем «Словаре» также пишет, что Бугур-шахар – это город, близко расположенный к границе уйгурского государства. Это определение, данное Махмудом Кашгари, еще раз подтверждает то, что наша пожилая женщина говорила о происхождении этих самых гор, их названий. До сих пор никто из историков, географов, этнографов не проявил интереса к событиям такой важности, не дал четкого определения этим таинственным горам, о которых писал еще М.Кашгари. Если я внесу ясность, начиная с первоисточников, в прежнее и нынешнее название этих гор, их значение, роль в истории моего народа, что может быть более прекрасным, великим и благородным делом для меня, для всей моей жизни?! В этом заключалась моя радость – слушать рассказы старушки об истории этого края и связанных с ним событиями тех времен.

По моему мнению, после опросов местных жителей, знающих историю края, анализа их рассказов мы пришли к выводу, что именно вот эта гора и есть гора «Алтункан», которая так называлась до похода Искандера Зулкарнайна в эти края. Узбекский ученый-географ Хамидулла Хасанов¹⁴ в своей монографии, посвященной Махмуду Кашгари, пишет, что эти горы географически относятся к современному Восточному Туркестану, к округу Хотан. К последнему предположению автора мы не можем полностью присоединиться. Уточняем, что войска Искандера Зулкарнайна не были в округе Хотан. Они приблизились к предгорным городам Алтыншар и Корлы, где в ущелье, в оврагах встретили противника. Название гор «Алтункан» не случайно. В этих горах в действительности производилась добыча золота. О некоторых подробностях, относящихся к названию этих гор, я писал в специальной статье на страницах газеты «Коммунизм туги» в 1971 году (№ 121).

После всего, что я услышал об истории гор, я смотрел на Амирхан-ача совсем иначе. Я не переставал удивляться и восхищаться ею. Сидящую передо мной женщину в белом я уподоблял фее в белом одеянии. К тому же имя у нее было такое же, как у моей покойной матери. Она тоже, как только увидела

¹² «Дивану-лугат-ат тюрк» – знаменитое произведение выдающегося филолога и лексикографа Махмуда Кашгарского.

¹³ «Тарих ижрайи тюрк» – «Родословная тюрков» – произведение, написанное Абулгази-ханом (Абулгази Багадур-хан (1603-1664) – хивинский хан шибанид, потомок Чингисхана, известен также как историк и первый узбекский писатель, основоположник чистого узбекского литературно-прозаического языка).

¹⁴ Хасанов Хамидулла Хасанович (1919-1985) – историк и методист географии, топонимист, доктор географических наук, профессор, заслуженный деятель науки Узбекистана. Его произведение – «Махмуд Кашгари», Ташкент, 1963.

меня, встретила как сына. Она приветливо спросила: «Сынок, вы говорите, что вы историк, и, наверное, читали «Тарихи Рашиди»¹⁵, «Шахнамэ туркий»¹⁶, «Ряззатис сапа»¹⁷, «Тарихи Искяндарий тажинимай шахи»¹⁸, «Тязкирайи Сутук Буграхан»¹⁹?

Теперь я понял, откуда такая осведомленность в области литературы, истории, откуда ее «книжная» речь! Значит, она грамотная, начитанная, много знающая женщина-мулла, как тогда называли образованных людей. Лучше всего такой женщине дать честный, правдивый ответ, решил я.

С детских лет я знал содержание «Тарихи Рашиди». Мой старший брат Ибрахим-шейх был муллой. В 1938 году он был арестован и заключен в тюрьму Шиншисйя и там умер. Он читал мне рассказы из этой книги. О «Шахнамэ туркий» я тоже слышал от уличных бродячих рассказчиков о жизни святых, о замечательных народных героях прошлого. О других книгах, которые назвала старушка, я еще ничего не знал. Когда я признался ей, что не знал об этих книгах, она посоветовала мне: «Историк, как вы себя называете, сынок, должен много читать, много знать. Чем больше прочтете книг о прошлом, тем сильнее становится ваш ум, расширяются ваши знания, тем свободнее вы себя будете чувствовать. Ваша речь будет богатой, интересной. Вот в этом году мне, слава Аллаху, исполнится 82 года. Я читаю книги не все подряд, которые мне попадают. Читаю только те, о которых хорошо отзываются прочитавшие. Ищу их, нахожу и читаю. В наших селениях на руках у людей есть много книг, умных и значительных по содержанию, сынок».

Помолчав, она начала подниматься с места. Я помог ей встать. Она посмотрела в сторону, где сидела ее девочка, и очень нежно обратилась к ней: «Вставайте, моя «косичка». Ведите меня дальше», – и протянула правую руку. И эта восьми-девятилетняя девочка, опрятная, с мягким добрым взглядом, быстро подошла к ней.

Пока мы дальше продолжали путь, я спросил:

– Эта девочка с косичками ваша внучка, ача?

– Нет, это моя правнучка, сынок.

– В школу уже отдали?

Она многозначительно, с каким-то тайным смыслом посмотрела мне в глаза и продолжила дальше наш разговор.

– Эту «девочку-косичку» на селе у нас называют «молла-киз» – «девочка-мулла». В этом году ей всего девять лет будет. В шесть лет я отдала было ее в школу. Сама удивляюсь, как прекрасно она читает наизусть газели Алишера Навои. Может быть, она будет поэтессой, моя «косичка»?

– Может быть, вы сами были поэтессой, ача?

– В молодости каких только желаний и влечений не имеет человек! И стихи сочиняла, и другим читала. Потом эти увлечения ушли вместе с молодостью.

– А какие-нибудь сочинения остались?

¹⁵ «Тарихи Рашиди» – хроника жизни Абдурашид-хана (1509-1559), правителя Яркенула.

¹⁶ «Шахнамэ туркий» – имеется в виду «Кутару билик» (Книга счастья) Хас Хаджина Баласагуни.

¹⁷ «Ряззатис сапа» – «Сад благочестия» – книга о жизни пророков, святых и халифов.

¹⁸ «Тарихи Искяндарий тажинимай шахи» – Книга переводов произведений об Александре Македонском (на уйг. языке) (1495-1496).

¹⁹ «Тязкирайи Сутук Буграхан» – хроника жизни хана и подвигов хана Буграхана, первого принявшего мусульманство как государственную религию.

- Нет, переписанного нет. Есть тетрадь со всякими разными сочинениями.
- Если можно... Если в памяти сохранились какие-нибудь стихи, прочтете?

Мы шли в гору медленно. Старушка на мою просьбу слегка улыбнулась и сердчно взглянула на меня. Потом она заговорила о своем муже, рассказывая о нем в третьем лице, как обычно принято у нас, когда женщина говорит о муже.

– Нашего мужчину в молодости звали Осман-«жигит-беши»²⁰. Мы общались в одном машрапе²¹. Судьбе было угодно, чтобы таким образом на машрапе я воспылала к нему любовью. О своих чувствах я призналась ему, написав газель²² и вышив эти стихи ему на кушаке, пояском платке, сынок.

Старушка уверенно, внятно, с некоторым вдохновением стала читать наизусть стихи:

Этот платок я вышиваю для Осман-хана дорогого.

Глаз моих слезы чернилами служат, чтобы выразить мою печаль,
Ресницы мои, как иглами, чтобы лет нити развернуть мои чувства.

На ткань наношу целый лист из моей поэмы «Тетрадь печали»,
Чтобы, не отказывая, подпоясал он свою тонкую талию.

Душа моя расцвела бы цветущей поэзией, потому что сама его вышиваю.
Был бы любимый рядом со мной, или я рядом с ним...

От любви моей вечно на память славному джигиту этот платок.

Женщина еще раз взглянула на меня смущенно, но ласково улыбнувшись. Я полностью записал ее стихи. Это был наглядный образец лирического произведения, сочетания стихов, объединенных метром «аруз»²³.

– Так сказать, основной темой вашей поэзии является любовь, страсть, оказывается, ача?!

– Да, так и есть, сынок. Я сама считала себя «воспевающей любовь и страсть». Я не печатала свои стихи, не прославилась свое имя, не стала знаменитой поэтессой. Поэтому я оставила это свое увлечение. Осталась только «Тетрадь».

Конечно, это было проявлением ее скромности. Такие умные, от природы одаренные, самообразованные женщины-уйгурки часто встречаются среди народа. Если бы ты, читатель, оказал таким женщинам достойную их таланта благосклонность, помощь, поддержку, ты мог бы многому научиться и обогатить свой народ.

За такими необычными, интересными разговорами мы сами не заметили, как достигли гребня горы. Амирхан-ача, если не считать, что слегка запыхалась, в общем-то не выглядела усталой. Мы, оказывается, взобрались на такую высоту, что, когда я поглядел вниз, люди казались мурашами.

– Высоко, сынок? – спросила меня Амирхан-ача, приставив ладонь правой руки к глазам, как козырек, глядя вниз.

– Очень даже высоко! Вы на такую высоту поднялись и как будто совсем не

²⁰Жигит-беши – неформальный лидер, руководитель в решении нравственных, организационных проблем в определенной части села или города.

²¹Машрап – у уйгуров это объединение, чаще молодых людей, по разным интересам, по месту жительства, по симпатиям и другим социальным критериям, школа традиционного восточного косямитизма.

²²Газель – небольшое лирическое стихотворение, состоящее из трех и более двустиший.

²³Аруз – стихотворный метр, основанный на чередовании долгих и кратких слогов.

устали! Я восхищаюсь вами, ача! – сказал я, залюбовавшись ею на фоне горных вершин, которые окружали нас.

Присели передохнуть. Оглядывая горные панорамы, старушка с воодушевлением начала рассказывать, как каждый год, именно в этот месяц, она восходит на эту гору посетить могилу Хан-Тахира и Хан-Зохры. Она всегда первой поднимается на эту гору и сразу же начинает очищать могилы от сорняков, успевших вырасти за год. Особенно много между двумя могилами чертополоха и других колючек. По ее представлению, этим колючкам и чертополоху у могил помогают прорасти злые духи, которые способствуют злему духу Кара-молун («Черное проклятье»), забравшему влюбленных с собой в землю. «Потому, – говорит она, – надо вырывать и выбрасывать их. Это одно из самых благородных и добрых дел, которые должны сделать все, посетившие эти могилы».

И действительно, когда мы подошли поближе, то увидели две могилы, с разных сторон заросшие цветущими кустами чертополоха и другими сорняками. На этот раз старушка поручила мне освободить могилы от вцепившихся в них злых трав, чтобы я, взошедший с ней на эту высоту, получил воздаяние за доброе дело и посвятил это духам умерших. Из великого уважения к этой женщине и с благодарностью за доверие, я стал выполнять ее поручение. До единой травинки очистил могилы, и потом посмотрел на Амирхан-ача, ожидая похвалы. Она была очень довольна моей работой. Потом, поджав под себя ноги, села у изголовья могил, стала читать Коран.

После молитвы она вынула из внутреннего кармана безрукавки завернутые в несколько тряпочек маленькие ножницы. «Косичка, девочка моя, – позвала она свою правнучку. – Подойдите ко мне!» – и посадила ее себе на колени. Затем, взяв в кулак прядь ее коротких, густых, цвета черной речной выдры, блестящих волос, она от самой макушки срезала их под корень. Я был очень удивлен ее действиями и спросил, почему она так делает.

«У нас, жителей Корлы, есть такой обычай: когда в семье рождается девочка и ей исполняется 1 год, а мальчику – 3 года, мы приводим их к этим святым могилам на поклон. Здесь же мы срезаем им прядь, чтобы в будущем вырастали новые, крепкие, красивые волосы. Когда им исполняется по 9 лет, мы снова приводим их сюда, срезаем им челку и привязываем этот пучок волос вон к тому шесту», – рассказала она.

Недалеко от могил стоял столб с натянутыми веревками. К этому столбу веревками были привязаны много пучков волос. Вокруг этого столба, держась за веревки, кружил бахши²⁴, исполняя ритуал, призывающий добрых духов и отгоняя злых.

«После того как бахши отгонит злых духов, мы оставляем девочкам волосы расти, а мальчиков освобождаем от волос, то есть обриваем наголо», – объяснила она.

Как рассказывала старушка, у Хан-Тахира были волосы цвета золота, а у Хан-Зохры – длинные, блестящие косы, цвета черной речной выдры. Все, приводящие сюда своих детей и осуществлявшие этот обычай, желают своим детям быть душой и обликом красивыми, как Тахир и Зухра, и считают это наследием прошлого.

Амирхан-ача поднялась и привязала пучок волос своей правнучки к столбу. Привязанных к столбу волос было множество. Она подошла к месту, где была, по-видимому, с давних времен, прикреплена прядь волос, уже покрытых толстым

²⁴Бахши – шаман, знахарь.

слоем пыли. «Вот эти волосы когда-то были моими волосами, сынок...» – сказала она и глубоко вздохнула.

Я был взволнован увиденным и услышанным. Я представил себе девятилетнюю девочку с черными блестящими волосами, какие когда-то носила эта старушка... Даже под слоем пыли концы этого пучка волос были все еще блестящими, как хвост черной речной выдры. А теперь вот она – старушка с седыми, рассыпанными по плечам на ветру волосами, восьмидесятидвухлетняя... 9 лет и 82 года – два возраста, как две судьбы одной женщины... Как тут не взволноваться, не удивиться жизни!

После традиционного обряда поклонения могилам Хан-Тахира и Хан-Зохраны мы присели рядом отдохнуть и еще долго говорили о них, о судьбах людей и о многом другом.

Наступал полдень, и солнце стало припекать. Но несмотря на это, Амирханача в подробностях рассказала историю трагической любви Хан-Тахира и Хан-Зохраны. Я записал ее рассказ, потому что это был новый вариант любимой народом поэмы о высокой, чистой любви.

Около одиннадцати часов утра к вершине, на которой мы находились, один за другим стали подниматься люди, пожелавшие поклониться могилам. Среди них была одна пожилая женщина. Она выглядела постарше нашей старушки. Как только она добралась до вершины, она тут же принялась тщательно подметать вокруг могил. Только после этого присела отдохнуть, отдышаться и помолиться.

Сгорбленный худенький старичок донес до этой высоты десятилитровую тыквянку с водой, начал месить глину и аккуратно обмазывать обвалившиеся края могил. Только после этого, обмыв руки, он присел недалеко и стал, глядя на могилы, сосредоточенно и долго молиться.

Видя все то, что происходило на моих глазах, я был счастлив и польщен! И сказал я сам себе с гордостью: «Только когда у тебя есть твой народ, который безгранично верен своим замечательным традициям и обычаям, который бережет их, как зрачок своих глаз, как национальную гордость и честь, будет жив вечно и не исчезнет никогда! Никто не сможет погасить его!»

Родная земля, ты полна чудес!

ГОЛОВА ХУННУ-ШАХА

4 декабря 1953 года наша группа закончила плановую научно-исследовательскую историко-археологическую работу в районе Турпан – «Идикут» и возвратилась в Урумчи.

На другой день, когда я вышел на работу, меня у порога института радостно встретила секретарь Отдела социальной культуры Управления Саадатхеним²⁵.

– Для вас есть большая новость, бегим²⁶! – сказала она и вручила написанный коричневыми чернилами документ на двух листах.

²⁵Хеним – госпожа.

²⁶Бегим – мой господин.

– Что это за «новость», Саадат-хеним? – не терпелось мне скорее узнать, о чём эта бумага. Объездивший горы и долины Уйгурии в поисках «новостей», я и на этот раз ожидал какого-то чуда.

– В Чаркилике нашли очень интересное старинное захоронение с хорошо сохранившимися останками человека и предметами, относящимися к нему!

Чаркилик – одно из древнейших мест Такли-Макана. Потому меня сразу захватила эта новость, и особенно это сообщение о «необыкновенных предметах древности». Я быстро пробежал глазами по написанному арабскими буквами документу. Там сообщалось:

«В Аларской долине Такли-Макана мы во время строительных работ разравнивали невысокий холм. Неожиданно нам открылась дыра. Когда мы разгребли холм и расширили дыру, увидели дверь, которая была сплошь опутана тонкими кожаными, из шкуры яка, ремнями-веревками. Мы открыли дверь и вошли внутрь. Это была одна большая комната-дом. В самой середине комнаты, на возвышении, на спине лежал высохший человек. Мы измерили длину тела – 198 сантиметров, на голове – красная вышитая шапочка-допа, одет в шелковый халат с изображением невиданной, удивительной птицы, на ногах остроносые сапоги. В одной руке был зажат мешочек с восемнадцатью пулями, в другой – белый шелковый платок. С правой стороны лежащего была (!) оседланная гнедая лошадь, а с левой стороны – сивый конь. Но они стояли на ногах, как стоят обычно живые. К седлу гнедой лошади был приторочен красивый, украшенный узорами лук со стрелами. Перед лежащим на тахте-возвышении человеком была положена деревянная чаша-кадак, служащая мерой веса, емкостью в 450 граммов, и изящная фарфоровая, голубоватая чашка...»

Я с нетерпением дочитал до этого места письмо-сообщение и обратился к секретарю с просьбой:

– Саадатхан! Это же мумифицированное, очень древнее, бесценное памятное захоронение! Это же большое чудо! Это сенсация! Этим сообщением в печати можно удивить, потрясти мир! Кто прислал такое сообщение?

– Это сообщают из воинской части, которая базируется в Аларском районе Такли-Макана.

– Воинской части, говорите?! Так, так... А что потом они сделали с этим холмом, с этим найденным человеком и другими предметами?

– Пишут, что всё это они перенесли в другое место, вглубь пустыни, якобы в «безопасное место», и сверху укрыли паласом.

– Вот так-так! Вот это да!.. Все эти останки, предметы из захоронения, считай, они уже испортили!.. Как только они оказываются на воздухе, на ветру, считай, они сразу разрушаются! Ах, как жаль! Ах, какая досада!.. Черт возьми!

Саадатхан, понявшая всю трагедию, теперь притихла и молча смотрела на меня. Я пошел в отдел. На стене передо мной висела карта Уйгурии – Восточного Туркестана. В списке названий долины Такли-Макана я нашел «Алар» на границе между Чинхаем и Восточным Туркестаном и тоже молча, упав духом, смотрел на это место. В такую даль, в декабре, ни дойти, ни доехать до собранных, наверно, в одну кучу памятников старины... Чтобы увидеть и перевезти их в центр, не было сейчас никакой возможности. К тому же там было объявлено военное положение, дороги туда были закрыты. Мы обратились в Штаб воинской части в Аларе с письмом от имени нашего Управления культуры, с убедительной просьбой: всё

что найдено было в холме: останки человека, коней и другие предметы древнего захоронения, чтобы с ними как можно осторожнее обращались и сберегли, пока нам представится возможность перенести их в наш, будущий музей...

Но прошло два года... За это время мы описывали, систематизировали, составляли картотеки, каталоги собранных нами материалов в нашей научно-исследовательской работе по городам и селам Уйгурии. Успели даже на этой основе открыть Урумчинский исторический музей.

Однажды, это было 23 июля 1955 года, мне позвонил заместитель начальника Краевой охраны безопасности по имени Шумутун, шева по национальности:

– По возможности срочно приезжайте ко мне, – попросил он.

Я поехал. Он ждал меня во дворе охраны... После взаимных приветствий он стал рассказывать мне о том, что недавно был в командировке в Чаркиликке и на обратном пути в Аларе. Он с гордостью сообщил мне, что привез с собой останки того древнего захоронения из холма. «Как же, каким образом, каким способом?» – с тревогой думал я, ожидая конца его рассказа.

– Неси-ка сюда тот самый тагар²⁷! – приказал он одному из охранников. Тот побежал в сторону связанной будки у ворот части и оттуда волоком по земле притащил большой, шесть на четыре, кашгарский тагар. Как только я увидел такую картину, меня будто окатили горячей водой... Стало жарко. «Эх, наивный, глупый, друг Назир! Что же ты наделал?! Ты же всё испортил! – думал я про себя, потрясённый. – Что же делать?! Но ничего уже не поделаешь!» Раскрывать, распарывать тагар было нельзя из эпидемиологических соображений. Подавив досаду, я попытался, подбирая слова повежливее, объяснить ему, что если бы у каких-либо других народов обнаружилась такая находка, такое древнее захоронение человека с предметами его обихода и об этом было бы оповещено на весь мир, она бы ценилась, образно выражаясь, «золотом с лошадиную голову». Досадуя, я вспомнил одну интересную историю и рассказал ему, как в 1948 году в Алтайском крае Советского Союза были найдены, подобно нашей, древние захоронения.

В тот день я не принял у Шумутуна этот мешок. Я объяснил ему, что сюда приедет специальная лаборатория, которая обработает содержимое мешка, и только после этого экспонаты будут выставлены в музее.

Из того, что было в мешке, целой оказалась только голова человека. В лаборатории, после того как её осмотрели, обработали опытные сотрудники музея: археолог (китаец по национальности) Лиючин, научный сотрудник Османжан Абдуллаев и я, мы принялись тщательно изучать голову. Открытый прямой лоб, продолговатое лицо, клинообразная бородка. Мне лично голова и лицо больше напоминали сердитого, раздраженного, многоговорящего старика. Его крепко зажмуренные глаза были провалившимися, кожа лица затвердела. Чуть рыжеватые волосы и борода были сильно помяты, придавлены, по-видимому, пока голова находилась в тагаре. Все это мы привели в порядок для полной картины того, что осталось для описания.

Затем мы взялись за самое ответственное дело: определить, уточнить место, откуда этот пришелец, нашедший последний приют в Аларе, время, когда он жил, принадлежность и другое, что могло бы рассказать о нем. Тут нам очень много подсказали оставшиеся после «упаковки» в тагаре предметы, с которыми был похоронен этот человек.

²⁷ Тагар – большой домотканый мешок, вмещающий около 100 килограммов веса.

Мы сразу же пришли к выводу – он не был буддистом, так как в могиле не было, по их обычаю захоронения, маленьких статуэток или других буддийских предметных изображений. Он не был, по всей вероятности, и в шаманской религии, потому что рядом с ним не было костей животных, которых резали и помещали рядом с телом умершего по обычаю и обряду шаманского погребения, в частности высокопочитаемых. В то же время красная шапочка-допа, яркий красный халат, гнедая лошадь справа наводили на мысль, что этот удивительный человек, может быть, принадлежит религии Зярдаш, то есть зороастризма, где красно-оранжевый цвет – цвет огня, которому они поклонялись. Или хоронившие его люди сами принадлежали к одной из ветвей этой религии, где тела не сжигали, а замуровывали? В Восточном Туркестане религия зороастризма была широко распространена в Хотане – как в самостоятельном маленьком государстве ещё до II века от Рождества Христова, и принесли её сюда хазары, кочевые племена, верхушка которых первой приняла индуизм.

Алар – место, где находилось захоронение, – издревле было летним пастбищем Хотана, куда постоянно в летнее время прибывали кочевые племена для выгула скота.

Чтобы выяснить, кто он, в каком веке жил, какому роду-племени принадлежал этот необычный высохший труп, мы вновь обратились к реликвиям, захороненным вместе с ним. Они много о чём рассказали.

Прежде всего «18 пуль в мешочке, зажатые в правой руке умершего», «деревянная весовая чаша-кадак», «голубоватая изящная чашка» у ног умершего, о чём говорилось в письме – сообщении автора из воинской части, были одними из главных предметов нашего детального изучения. Во всяком случае, эти факты нам послужили основанием сделать некоторые выводы. «18 пуль» – не могли быть пулями в нашем понимании. Это были по форме пулеобразные предметы. Они – в мешочке, зажатые в кулаке, в правой руке. Это мы поняли, как указание на 18 важных отдельных племен-частей, составляющих его наследство. Каждая подвластная ему «пуля-часть» – это род и племя. К 18 родам и племенам мы прибавили ещё один род, к которому относился он сам. Итак их было 19 племен. У многих тюркских народов по старинным обычаям, перечисляя наследные, принадлежные им племена, себя не причисляли к ним, умалчивали о себе. Считалось недостойным убеждать другие племена в том, что умерший – глава всех остальных этнических родов и племен, и он, простой рядовой человек, не может причисляться к ним. Потому умерший, когда шла речь об этническом родстве, не называл себя главой всех родов и племен. Он считал это как само собой разумеющимся законом. Так, например, и сейчас подобный обычай сохраняется у казахов. Причисляющие себя к роду «кошкарбаев», опуская прозвище «кошкар» (баран-производитель), когда говорят о себе между собой, называют себя «кой ата»: буквально, предок всех баранов, или «глава всех родов».

В истории древних тюрков хунну-уйгуров, которые жили-кочевали в Центральной и Средней Азии, произошло разделение на роды «Он уйгур» («Десять уйгур») и «Токкуз уйгур» («Девять уйгур»). Позже семь племен из рода «Десять уйгур» ушли на север, что принесло большое несчастье единству древнего рода...

Лежащая перед нами голова и предметы из могильника, по описанию, приводят нас к логическому предположению. Она, голова, принадлежит человеку,

который был одним из представителей знати того времени – шахом, военачальником или другим чином из верхушки, или родоначальником. Он жил, приблизительно, в I – III веках нового европейского летоисчисления. Деревянная весовая чаша-кадак рядом означала, на наш взгляд, разделение рода «Десять уйгуров» – их несчастье, распад племен. Голубая чаша – выражала, как символ, надежду на будущее. По месту погребения он принадлежал племени или роду карлуков²⁸.

В июне 1956 года я, будучи директором Музея этнографии и памятников древности, чтобы зафиксировать на фото, в описаниях с природы или на рисунках остатки следов этого захоронения, направил научного сотрудника музея Абдулазиза Халикова в специальную командировку в Аларский район Такли-Макана. Его доклад-отчет с описанием места находки, фотографии мест погребения и другие этнографические признаки предметов аргументированно подтверждали и доказывали наши выводы по этому исключительному случаю.

По результатам доклада нам стали известны две важные новости. Первая – останки этого несчастного тела, как сказал заместитель «теоретического представления покойного», господин Назир Шумут, не по его инициативе, а по приказу генерала Ван-Ин-Мав ещё в 1953 г. были заброшены в один тагар и доставлены к ним. С тех пор прошло два года, и этот тагар с останками валялся в каком-то амбаре. Второе – могила-захоронение шаха, как мы называли его, или знатного человека, была хорошо сохранена потому, что плотная насыпь над могилой была из белого песка, что герметизировало это захоронение...

Голова «хунну-шаха» в большой фарфоровой чаше была выставлена в зале нашего Исторического музея, расположенного в западной части Урумчи, в Народном саду.

Множество людей города и приезжие с интересом рассматривали этот экспонат.

Предисловие и перевод Венеры Касымовой

²⁸Карлуки – кочевые древние тюркские племена, проживающие на территории Центральной Средней Азии в VIII – XV веках.

